

Фредерик Мортон

РОТШИЛЬДЫ

ИСТОРИЯ ДИНАСТИИ

МОГУЩЕСТВЕННЫХ

ФИНАНСИСТОВ

Фредерик Мортон

**Ротшильды. История династии
могущественных финансистов**

«Центрполиграф»

2010

Мортон Ф.

Ротшильды. История династии могущественных финансистов /
Ф. Мортон — «Центрполиграф», 2010

Книга Фредерика Мортон — это увлекательная история клана могущественных финансистов. Их фамилия давно стала символом богатства, успеха и процветания. Члены этого семейства внесли огромный вклад в культуру и прославили свои имена на ниве благотворительности. В книге присутствует множество забавных, трагических и поучительных историй, в которых участвуют колоритнейшие персонажи: особы королевской крови, государственные мужи, поэты, художники.

Содержание

Глава 1	5
Процессия в Пойаке	5
Бескомпромиссность и орхидеи	8
Золотое безмолвие	10
Глава 2	12
Сиротка Майер	12
Мечтатель из гетто	14
«Его светлость» Майера Ротшильда	17
Рождение династии	19
Глава 3	21
У мальчиков режутся зубки	21
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Фредерик Мортон

Ротшильды. История династии могущественных финансистов

Глава 1

НЕПОТОПЛЯЕМОЕ СУДНО, ИЛИ ИСТОРИЯ СЕМЬИ РОТШИЛЬД

Процессия в Пойаке

4 марта 1961 года, суббота. Только что минул полдень. Толпа людей, словно пребывающая в некотором ожидании, неторопливо движется по булыжной мостовой в направлении маленькой деревеньки, затерявшейся где-то на юго-западе Франции. Изю всех окон, раскрытых настежь, на толпу направлены бинокли и прочие оптические инструменты. Вскоре после двух часов пополудни появились музыканты, опоясанные малиновыми лентами, и возвестили о себе звуками фанфар в небольшом, прилегающем ко двору винограднике. Прибывший по этому случаю отряд жандармов занял позицию вдоль бордюра, держа под уздцы лошадей. Постепенно перед глазами всех любопытствующих стало разворачиваться сказочное действие.

Процессию возглавлял церемониймейстер, наряженный в черный костюм и шелковые чулки, держащий в руке жезл цвета слоновой кости и сопровождаемый двумя пажами в черных атласных бриджах. Следом за ним плавно скользил президентский кортеж, составленный из лимузинов, зарезервированных мэром Бордо специально для встречи генерала де Голля. Первая машина была увита роскошными орхидеями. И в ней пребывала собственной персоной принцесса, и это был день ее свадьбы. Она была облачена в сияющее ослепительной белизной шелковое атласное платье, расписанное маестром пасторальных картин, сеньором Баленсиага. Очаровательную головку венчала диадема из белой норки и сапфировых звезд. В ее руке был букет веточек цветущей яблони, доставленных ранним утром из Турции. Рядом стоял ее суженый – весь лучившийся радостью очень красивый, талантливый молодой человек, явно из небогатой семьи.

Гости, толпившиеся за новобрачными, приехали в пульмановских спальнях вагонах, присоединенных к Южному экспрессу. И запечатлеть праздничную церемонию прибыл не кто иной, как Сесиль Битон, фотограф и личный стилист ее величества, покинувший на время пост официального фотохроникера королевской семьи в Букингемском дворце. Все это выглядело волшебной сказкой, театром грез, однако было в этом зрелище нечто интимное.

Что же, раскроем карты. Действие происходило в деревушке Пойак 4 марта 1961 года на свадебных торжествах в семействе Ротшильд. Барон Филипп Ротшильд выдавал замуж свою дочь Филиппину. Все было исполнено духа и буквы традиции, которая передавалась из поколения в поколение. Няня, дворецкий, садовник – все они были хранителями (и одновременно свидетелями) семейной истории. В то время как процессия плавно текла по улицам, служащие замка Мутон соорудили свадебный торт высотой почти семь футов. Эта грандиозная конструкция, искусно сплетенная из сахарных нитей, напоминала о пяти стрелах Ротшильдов, о семейном гербе, который насчитывал сто сорок лет, о франкфуртских погромах, о гербе, который выстоял под перекрестным огнем австрийской корпорации геральдики. И когда свадебная процессия остановилась перед воротами замка, а команда служащих помогла жандармам

выстроить оцепление, было видно, что у каждого из гостей на руке была желто-голубая лента. Эти цвета были своего рода паролем, позволявшим курьерам Ротшильдов беспрепятственно пересекать как государственные, так и символические границы, отделявшие бедствия от триумфа, – со времен Наполеоновских войн и вплоть до Первой мировой войны.

Ни одно другое имя в Европе не окружено таким ореолом легенд. И ни одно не произносится с таким восторженным придыханием. Ни одно семейство в Европе (исключая разве что королевские династии) не обладало такой властью, стабильностью и неповторимым своеобразием. Сегодня многие члены клана не прячут великолепия, которое стало экзотикой, наводящей скуку и вызывающей раздражение в современном мире. Слишком банально называть эту семью состоятельной. Состояние семьи Ротшильд и в Англии и во Франции просто не поддается описанию.

Имя Ротшильд давно стало своего рода символом и просто синонимом больших денег. Однако для тех, кто чуть ближе знаком с историей семейства, это имя вызывает иные, несравненно более разнообразные ассоциации и обозначает нечто живое, неуловимое, наделенное странным обаянием и притягательностью, нечто вроде дара, принесенного некогда в повозке, запряженной двенадцатью белоснежными лошадьми.

Для того чтобы доставить членов семейства Ротшильд на свадебные торжества, были поданы спальные вагоны, в которых византийская роскошь сочеталась с самым современным сервисом. В одном из вагонов путешествовал всемирно известный модельер и стилист Александр Диор, чьи услуги были доступны только представителям высшего общества французской столицы и таким небожителям, как Жаклин Кеннеди и принцесса Маргарет. Он и свита его помощников держали расчески наготове и сдували пыль с гребней из слоновой кости в купе одного из пультмановских вагонов, шедших в Бордо. Их присутствие было одним из свадебных даров. Любой приглашенный на свадьбу мог сделать прическу и макияж у прославленного мастера. Дворецкие в белых перчатках обносили гостей шампанским и икрой.

Как было замечено тем летом в редакционной статье журнала «Вог», именно Ротшильды стали подлинными наследниками Бурбонов во Франции, ведь достаточно было произнести «барон Эли» или «барон Филипп», и всем становилось ясно, что речь идет о Ротшильдах, и только о них.

Как и любой другой отпрыск знатного семейства, невеста при рождении получила не только огромное состояние, но и прекрасную родословную. В пятидесятых годах каждый увидевший свет младенец-Ротшильд стоил не более и не менее 150 миллионов долларов, а его родословная простиралась в прошлое на 150 лет. Возможно, цифры не совсем точны, но суть такова. На протяжении последних 150 лет имя Ротшильд выкристаллизовалось с такой определенностью, что каждый носитель этого имени был заранее наделен всеми необходимыми атрибутами и не мог не следовать традициям семьи. В начале шестидесятых молодые Ротшильды могли рассуждать о Сартре, ловить интонации короля «прохладного джаза» Дейва Брубeka или жадно вслушиваться в тишайшие пассажи темнокожего «безумца» Майлса Дэвиса, но, как бы то ни было, они были всего лишь ветвями мощного генеалогического древа Ротшильдов и строго следовали всем семейным законам.

Самым шокирующим моментом свадьбы в Пойаке было то, что Филиппина вступала в брак с католиком, а союз их скрепил деревенский священник, чья застенчивая проповедь была основана на текстах из Ветхого Завета и изобиловала рассказами о заслугах евреев.

Но Филиппина была не первой девушкой из семейства Ротшильд, ставшей женой христианина. Подобные нарушения патриархальных традиций в семействе Ротшильд уже имели место. До нее, еще в самом начале становления династии, две девушки получили разрешение выйти замуж за неиудеев. Но такие исключения могли касаться только женщин, для мужчин на подобные браки был наложен запрет.

Еще одной традицией дома были причудливые имена гостей, прибывавших в Шато-Мутон. Начало этой традиции положил не кто иной, как семидесятилетний Майер Ротшильд. Итак, на протяжении многих поколений Ротшильды продолжали носить имена, «учрежденные» главой дома. Таким образом семейство подчеркивало свое единство и преемственность, напоминало о предках и приводило своих летописцев в тихое бешенство. Нет ничего более запутанного, чем генеалогическое дерево Ротшильдов. Так, английская ветвь начиналась с Натана Майера, далее шли Лайонел и Натаниэль, затем следовали Лайонел Уолтер, Лайонел Натан, Джеймс Натаниэль и Натаниэль Чарльз. В наши дни вклад в это семейное единство внесли лорд Ротшильд, к имени которого было добавлено «Натаниэль Майер Виктор» и его сын Натаниэль Чарльз.

Не удовлетворившись повторением первых имен, Ротшильд учредил линию псевдонимов... Анри де Ротшильд, дед невесты, был успешным драматургом и писал под псевдонимом Андре Паскаль, его сын Филипп ставил пьесы и снимал фильмы под именем Филипп Паскаль, а его дочь Филиппина выступала в «Комеди Франсэз» как Филиппина Паскаль. Тот факт, что она вышла замуж за директора этого театра, Жака Сере, показывает, как каждый вложенный Ротшильдами франк работал на благо династии.

Даже забавные пристрастия, которые в другой семье могли стать просто предметом шуток и празднословия, у Ротшильдов становились частью династической традиции. Пристрастие к сладкому не только привело к тому, что шоколадное суфле получило распространение по всему миру, а повара Ротшильдов занимались изысканиями в области рецептов кондитерских изделий. Оно нашло свое отражение в завещании барона Альфонса Ротшильда, сделанного в 1905 году, где целый абзац был посвящен шоколаду: «...25 000 золотых франков оставляю своему зятю Альберту... чтобы он не отказывал себе в удовольствии приобрести иногда несколько шоколадок». Это пристрастие нашло продолжение в любопытном обычае, состоявшем в том, что каждому гостю на семейных праздниках Ротшильдов предлагали непременно шоколадное суфле.

Бескомпромиссность и орхидеи

Орхидеи, украшавшие машину новобранцев, были еще одной семейной традицией. Нетерпимость к любому несовершенству является неприменимой семейной чертой. Стремление к наилучшему было семейным императивом. В сравнении с любым другим деловым сообществом Ротшильды в избытке обладали тем качеством, которое на идиш обозначается как «chutzpah». Это слово фонетически и по значению восходит к древнегреческому «hubris», означающему крайнюю бескомпромиссность, часто приводящую к трагическому концу, как это было в истории с Ахиллом. Но Ротшильды и это свое качество смогли направить на благо и процветание династии.

Орхидеи, украшавшие свадебный лимузин, были выращены в огромном имении Эксбери неподалеку от Саутгемптона, где размещалось тридцать теплиц, построенных из тикового дерева и стекла, общей площадью четыре акра. Они принадлежали Эдмонду де Ротшильду, старшему партнеру семейного банка в Лондоне. Своей исключительной красотой орхидеи были обязаны мастерству его отца Лайонела, который положил начало еще одной семейной традиции. Во время Второй мировой войны большую часть персонала, обслуживающего теплицы, призвали в армию. Лайонел понимал, что в этих условиях он не сможет обеспечить надлежащий уход за орхидеями. Вот как описывает дальнейшие события его садовник: «Многие, многие сотни цветов были уничтожены. Господин де Ротшильд не считал возможным продать их, поскольку думал, что никто, кроме него, не сможет выращивать их как следует и дать им столько любви и заботы, чтобы они не утратили своей красоты...»

А теперь от орхидей перейдем к рододендронам. Они также украшали свадебный кортеж, куда их также доставили из Эксбери. Некогда армия садовников Лайонела, состоявшая из двухсот человек, прилежно ухаживала за этими растениями в огромных цветочных павильонах.

Эдмонд, его наследник, стал хозяином угодий, на которых произрастало фантастическое количество рододендронов, во много раз большее, чем на каком-либо другом участке земли. Это стало возможным не только благодаря хорошему уходу, знаниям и любви к цветам, но также и вследствие бескомпромиссной ротшильдовской страсти к совершенству.

Вот как об этом рассказал управляющий поместьем Питер Барбер: «Мистер Лайонел вывел более тысячи двухсот гибридов рододендрона. Но при этом он был беспощаден к результатам своей работы. Наблюдая в течение десяти лет за ростом и развитием партии сеянцев, он дожидался их первого цветения, выбирал самые красивые, а все остальные безжалостно уничтожал. Это правило строго соблюдалось. Он не желал оставлять ни одного цветка, который нельзя было бы назвать превосходным. Просто хорошее качество цветов в его садах не устраивало мистера Лайонела».

Даже при самых неблагоприятных обстоятельствах Ротшильды стремятся к совершенству. Во время Второй мировой войны лидер мирового сионизма Хайм Вейцман жил в отеле «Дорчестер» в Лондоне. Там же поселился и лорд Ротшильд с семейством, поскольку все его слуги-мужчины были призваны в армию и вести имение по-прежнему стало невозможно.

Однажды во время налета немецкой авиации они вместе оказались в бомбоубежище отеля, и Вейцман имел возможность наблюдать, как лорд безуспешно в течение нескольких часов пытался успокоить своих малолетних отпрысков. В конце концов Вейцман поинтересовался у Ротшильда, почему тот не отправит своих детей в Соединенные Штаты, как это сделало большинство состоятельных людей.

«Почему? – переспросил Ротшильд, сжимая соску в кулаке. – Почему? Да потому, что они – Ротшильды! Стоит мне отправить этих малышей за океан, как весь мир сочтет, что все семь миллионов евреев – предатели!»

Даже в мирное время в таком легкомысленном квартале Парижа, как Сен-Жермен-де-Пре, чувство долга не покидает членов этого семейства. Однажды вечером три симпатичные молодые пары сидели у парапета террасы одного из многочисленных кафе. К ним приблизился уличный музыкант и протянул шапку за подаянием, и трое молодых людей бросили туда каждый по несколько монет. Музыкант поблагодарил и уже собирался уйти, как вдруг одна из девушек, красавица Филиппина, протянула ему банкнот. Никто не обратил на это никакого внимания, кроме, пожалуй, тех, кто знал ее по имени. Столкнувшись с просителем, Филиппина перестала быть просто девушкой, пришедшей на свидание, – она стала представителем семьи Ротшильд.

Золотое безмолвие

Тем не менее, именно буржуазный прагматизм лежал в основе этого имперского самознания и имперского благосостояния. Сохранился, к примеру, любопытного покроя предмет одежды, принадлежащий барону Филиппу, который, возможно, был на нем и во время свадебных торжеств. В силу своей склонности вставать очень рано Филипп также очень рано ложился и очень быстро засыпал. Поэтому его портному пришлось сшить барону шелковую рубашку с мягким воротником, которая одновременно была рубашкой для смокинга и ночной рубашкой. Такое остроумное решение позволяло Филиппу сохранять элегантность, пребывая фактически в пижаме.

Тот же дух буржуазного прагматизма присутствовал в замках и поместьях, из которых родственники Филиппины съезжались на свадьбу. Огромные барочные постройки были обставлены таким количеством мебели эпохи Людовиков (XIII, XIV и XVI), которого не было у всех этих королей, вместе взятых. На протяжении десятилетий в дизайнерской среде возник термин «ротшильдовский стиль», который подразумевал наличие мебели Бурбонов, массу ренессансных безделушек, изобилие позолоченных элементов, изготовленных из ормолю (то есть сплава меди, олова и свинца), и непременно деревянную обшивку стен. Этот стиль имел также другое название, придуманное Сесилем Битоном: «Грандиозный французский стиль Ротшильдов». Галльское великолепие сочеталось с еврейской склонностью к практичности. Например, в огромном парижском доме баронессы Эдуард великолепная ванная комната была отделана лучшими сортами мрамора, и только один из находящихся там предметов диссонировал с общим фоном. При ближайшем рассмотрении оказывалось, что это была миниатюрная телефонная трубка, благодаря которой баронесса пользовалась быстрой и конфиденциальной телефонной связью, не прибегая к услугам многочисленных секретарей.

В распоряжении семейства были не только замаскированные средства телефонной связи, не случайно главные свадебные торжества Филиппины были организованы в винных погребах замка Шато-Лафит-Ротшильд, еще одного фамильного замка неподалеку от Пойака. Ротшильды оберегали свою частную жизнь от посторонних глаз и предпочитали блистать в узком кругу родных и друзей, даже в ущерб своим социальным амбициям.

Эта традиция сохранялась и крепла от поколения к поколению.

Интересы семьи были многообразны и подчас неожиданны, но результаты их деятельности всегда впечатляли. И примеров тому множество.

Зоологи знают о существовании в Новой Гвинее гигантской бабочки, размером с небольшую птицу, *Ornithoptera Rothshildi* и южноамериканского страуса *Rhea Rothshildi*, обнаруженных в ходе спонсированных Ротшильдами экспедиций. Знатки вин ценят и знают два лучших кларета, «Мутон Ротшильд» и «Лафит Ротшильд», а ботаники и цветоводы – многочисленные сорта рододендронов, азалий и фантастических орхидей, выведенных в Эксбери.

Золотой след Ротшильдов хорошо различим, во всяком случае для специалистов. Но когда в Лувре, в Британском музее и в десятке других музеев по всему миру историки искусства и студенты склоняются над витринами, где разложены сокровища мировой культуры, будто высыпанные из рога изобилия, они вряд ли осознают, что когда-то эти предметы служили украшением гостиных Ротшильдов или хранились в их библиотеках.

По сравнению с дарами Ротшильдов, которые были сделаны за все время существования династии, коллекции Медичи кажутся жалкими и скудными.

Венский Дом Ротшильдов исчез под пятой вермахта в 1938 году, но память о нем жива и в Вене, и по всей Австрии. О нем напоминают огромные коллекции произведений искусства, переданные Домом в музей истории искусств и художественных промыслов, о нем каж-

дую весну напоминают тысячи ароматов, когда в парках и скверах Вены расцветают миллионы цветов, выращенных в построенных Ротшильдами теплицах пригорода Хох-Варт.

Каждый день в главный кафедральный собор Святого Стефана собираются австрийцы со всех концов страны. Во время Второй мировой войны он был разрушен, и на его реконструкцию присылали средства и материалы все австрийские провинции. Австрийская ветвь семейства Ротшильд, которая была своего рода муниципальным образованием, предоставила для восстановления собора превосходные камни, из которых был когда-то построен семейный дворец на Принц-Юджин-штрассе. В 1956 году для него не нашлось нового хозяина – он был слишком монументален для послевоенной эпохи, и поэтому, когда для венского собора потребовался мрамор, семья приняла решение разобрать дворец и предоставить мрамор на восстановление собора. Таким образом камни, из которых было построено жилище ортодоксального иудея, стали частью одной из стен католического собора.

Среди городов, сыгравших важную роль в судьбе династии Ротшильдов, только в одном-единственном городе мы практически не встречаем осязаемых свидетельств их присутствия. И как ни странно, этот город – Франкфурт, откуда начался победоносный путь семьи. В городе есть парк Ротшильдов, а в городских архивах можно найти несколько пожелтевших документов, свидетельствующих о первых шагах Майера Ротшильда на деловой и финансовой арене, и это – все. Семейный дом Ротшильдов был разрушен во время Второй мировой войны в результате бомбардировки, а спустя несколько лет развалины разобрали, а на их месте возвели новое офисное здание. Немного теперь напоминает о Ротшильде в этом городе на Майне.

Но именно здесь, в тесном еврейском гетто, и началась та история, частью которой стали свадебные торжества в Пойаке. Здесь два столетия тому назад Майер Ротшильд, с желтой звездой на сюртуке, вел дела своего небольшого магазинчика, здесь он женился на Гутеле Шнаппер, и отсюда он вывел в жизнь пятерых сыновей, которым удалось впоследствии подняться к вершинам славы и состоятельности. Они оказались более искусными и хитроумными завоевателями, чем многие прошлые и, возможно, будущие цезари.

Отсюда, из этого дома, их сага, и их имя вошли в историю.

Глава 2 ЕВРЕЙСКАЯ УЛИЦА

Сиротка Майер

Было бы непростительным упущением начать рассказ о ныне живущих Ротшильдах, не рассказав сначала об их предках. В холлах их особняков и офисов вы непременно увидите множество живописных работ, бюстов, барельефов и маленьких памятников, изображающих предков. Во всех этих пантеонах всегда чего-то недоставало. Например, портрет основателя династии отличался скромностью и отсутствием какого-либо сходства с оригиналом, хотя Майер Ротшильд мог себе позволить к концу жизни заказать свое изображение у любого, самого дорогого художника.

Тем не менее, мы не найдем парадного прижизненного портрета родоначальника семейства. Портрет Майера Ротшильда резко отличается от бесконечной череды традиционных портретов его потомков, чью практичность и бьющую через край энергию прекрасно передали художники. С портрета на нас смотрит высокий невозмутимый человек с характерной осанкой ученого, слегка втянувшего голову в плечи. Его мечтательная улыбка совсем не напоминает сухую ухмылку делового человека. Какая-то возвышенная идея увлекла этого человека и побудила его предпринять совершенно необычайные действия. И самым странным его поступком было, возможно, то, что однажды, весенним днем 1764 года, он вернулся в свой родной Франкфурт-на-Майне.

Предки Майера были из разряда мелких коммерсантов, живших в городском гетто, но его собственные планы выходили далеко за пределы этой черты. По своим способностям он резко выделялся среди сверстников, и родители отправили его учиться в иешиву (иудейская духовная школа. – *Пер.*) в Нюрнберг в надежде, что он станет раввином – и прославит семью. Он учился хорошо, но без большого усердия. И когда его родители скончались, платить за обучение стало некому. К счастью, родня помогла юному Майеру устроиться учеником в еврейский торговый дом Оппенгеймера в Ганновере. Другой молодой человек на его месте предпочел бы остаться в городе. Германия в то время представляла собой лоскутное одеяло, состоящее из разных земель с совершенно разными законами. Ганновер отличался терпимостью к евреям, дела у Майера шли совсем неплохо, и в будущем все могло бы устроиться, надо было только остаться работать у Оппенгеймера. Тогда он мог бы дослужиться до места старшего клерка, а то и, с божьей помощью, закончить жизнь партнером хозяина. Вместо этого Майер вернулся домой. Он сделал наихудший выбор из всех возможных и... обеспечил себе бессмертие.

Тем не менее, вернувшись во Франкфурт тем самым знаменательным весенним днем, он не испытал радости возвращения, город, очевидно, не был рад ему и встретил его чередой унижений. Пересекая реку Майн, он должен был заплатить специальную пошлину для евреев. Первое, что он увидел, – это квартал, где ему случилось появиться на свет двадцать лет тому назад. Гетто располагалось за рекой, как позже засвидетельствовал Гете, «между городской стеной и рвом». По дороге домой Майер не смог избежать столкновения с группой подростков, чье любимое развлечение состояло в том, чтобы прокричать «Еврей, знай свое место» – после чего означенный «еврей» должен был сделать шаг в сторону, снять шляпу и поклониться. Так, развлекая местных мальчишек, Майер дошел до оцепления, которое солдаты каждый вечер устраивали вокруг Юденштрассе¹.

¹ Юденштрассе – Еврейская улица (*нем.*).

Внутри гетто также не производило вдохновляющего впечатления. Лавки были забиты старой, ношеной одеждой и всевозможной старой хозяйственной утварью. Такая удручающая картина была результатом запрета, наложенного на евреев и отказывавшего им в праве заниматься сельским хозяйством, ремеслами, даже продажей таких товаров, как шелк, оружие или свежие фрукты.

Еврейские девушки подвергались таким же суровым притеснениям со стороны неевреев. Один из указов городских властей ограничивал право евреев на создание семьи – не более пятисот семей должно было жить в гетто, и не более двенадцати браков можно было заключать каждый год.

Когда Майер добрался до своего «квартала» и его старый приятель крикнул ему «Привет, Ротшильд», он не испытал облегчения, наоборот, это лишь напомнило ему о том, что у него нет даже собственной фамилии. В этой привилегии его «племени» также было отказано. Чтобы как-то обозначать друг друга, евреи использовали характерные особенности домов, в которых жили их предки. Так, в случае с Майером его родственники жили в доме с красной крышей («рот» – по-немецки «красный»), в более благополучном районе еврейского квартала. Имя так и закрепилось, хотя семья обеднела и переехала в неблагополучное место в другой части квартала, на Посудную улицу.

Сюда и свернул Майер в конце своего нехитрого путешествия. Он миновал унылые и грязные дворы и вышел к лавке, где его братья Моше и Кальман торговали старой одеждой. Здесь заканчивается предыстория юного Ротшильда и начинается его восхождение к новым высотам.

Мечтатель из гетто

На Посудной улице, среди домов, в которые, кажется, никогда не заглядывало солнце, Майер Амшель приступил к трудам, которые растянулись на годы. Напрашивается вопрос: отдавал ли он себе отчет, что жертвует сравнительно благополучным существованием в ганноверской меняльной конторе ради этой грязной дыры во франкфуртском гетто? Предчувствовал ли он, что за открытия ожидают его в родном, вечно полусонном городе? Знал ли он, что местный властитель, молодой принц Уильям Гессенский, был богатейшим из принцев, что финансовая империя, которую строил юный властитель, нуждалась в собственных вице-королях? Какие сны посещали юного Майера, когда он засыпал под убогой крышей своего дома?

Но при свете дня страшно было подумать о том, какая дистанция разделяла их, Майера и молодого принца! Он был всего лишь одним из трех братьев, перебиравших хлам в старых сундуках в поисках жемчужины или какой-нибудь дешевой старинной монеты. Он не мог обзавестись лошадью и ходил по городу пешком.

Между тем время шло, и Майер понял, что если дела и дальше так пойдут, то он не сможет купить себе даже седло. И тогда, движимый скорее неопределенным предчувствием, чем надеждой на заработок, он занялся поиском старых монет. Годы, проведенные в иешиве, не прошли даром. Будучи в глубине души раввином, он нес на своих сутулых плечах исконную тоску своего племени по поэзии и знаниям. Динары и талеры, которые он скупал, потускневшие от времени русские, баварские, римские монеты – он рассматривал их, исследовал, писал к ним аннотации, – но до продажи дело не доходило. Поначалу это занятие казалось совершенно бесперспективным.

Люди нуждались в настоящих деньгах, а не вышедших из употребления стершихся монетах. Местные бюргеры-немцы были безразличны к безделушкам такого рода. Чтобы реализовать старинные монеты, нужно было отправиться в особняки и замки Франкфурта. И Майер еще раз пошел на риск. На него снизошло некое озарение. Он решил вернуться в Ганновер, к своему бывшему «работодателю» генералу фон Эшторфу, который был вхож в покои принца Уильяма в Ханау. И генерал соблаговолил вспомнить Ротшильда, а придворные друзья генерала, как ни странно, проявили интерес к старинным монетам и редким вещицам. Они с интересом выслушивали бесконечные рассказы Майера о его нумизматических изысканиях. Им понравились не только его лекции, но даже мелодии гетто, которые воспроизводил Майер, сопровождая таким образом свои показы. Они листали каталоги, изобиловавшие литературными и каллиграфическими изысками автора, а затем стали покупать эту «рухлядь».

Вдохновленный Майер начал рассылать свои причудливо разрисованные каталоги всем царствующим особам прилегающих земель. Однажды он удостоился аудиенции самого принца Уильяма. Его высочество только что успешно завершил шахматную партию и находился в приподнятом расположении духа... Он купил у Майера целую пригоршню редких монет и медалей. Это была первая сделка, заключенная Ротшильдом с главой государства.

Он вернулся на Еврейскую улицу с ощущением триумфа, но он был по-прежнему беден. Майер подумывал о женитьбе, однако содержать семью на деньги, вырученные от редких и случайных сделок с сильными мира сего было практически невозможно. Поэтому он учредил в одном из домов на Посудной улице, так сказать, пункт обмена валюты, а по сути – банк, где обменивались разнообразные денежные знаки, имевшие хождение в различных немецких землях. Ярмарки, проходившие во Франкфурте, привлекали в город дукаты, флорины и прочую валюту из самых различных городов. И на разнице в их рыночной стоимости Майеру удавалось получать более или менее стабильный доход.

Он становился завидным женихом, и теперь его можно было часто увидеть в доме Гутеле Шнаппер, миниатюрной, обаятельной семнадцатилетней девушки, отец которой владел мага-

зинчиком в более или менее привлекательной части Еврейской улицы. Приданое могло оказаться весьма приличным. Гутеле была нежной и приветливой девушкой и готовила отличные бифштексы. Чего еще мог желать молодой симпатичный еврейский юноша?

Однако Майер желал большего. Старые монеты и знатный джентльмен, который соблаговолит купить их... Эта мысль тревожила его, звучала в нем, вполголоса, но не смолкая напоминала о себе. И снова он отказался от проторенного пути. Доходы от меняльной конторы Майер инвестировал отнюдь не в расширение этого бизнеса, хотя он был основным источником его доходов. Вопреки логике Ротшильд продолжал вкладывать деньги в «нумизматический» бизнес.

Майер скупил несколько коллекций по бросовым ценам. Ему удалось завязать знакомство с герцогом Карлом-Августом Веймарским, покровителем Гете, а также найти других влиятельных «клиентов», покупавших его раритеты по невысоким ценам. Он продолжал свое дело, периодически возвращаясь к своему первому покупателю, принцу Уильяму, – и был доволен собой.

Его братья, упорно продолжавшие свой не слишком доходный, но достаточно стабильный бизнес – торговлю одеждой секонд-хенд, как называют ее теперь, – с недоумением наблюдали за улыбкой, которая скрывалась в густой бороде Майера. Они были озадачены. Как он заботился о своих каталогах! С какой тщательностью он печатал их, используя изощренный готический шрифт. Как он проверял и перепроверял заголовки на титульных листах, как внимательно работал над каждой фразой, стиль которых даже в те времена выглядел причудливым и архаичным. Он был похож на талмудиста, который пишет книгу своей жизни.

И Майер действительно начал писать. Он писал письма с предложениями о поставке своего «товара», обращаясь к правителям окрестных княжеств. Причудливый стиль и скрупулезное следование формальностям, пожалуй, можно было назвать специфическим языком гетто, но в этих письмах, безусловно, просвечивала индивидуальность их автора.

«Мне выпала чрезвычайная удача и достался благородный жребий, – так начал он свое послание, – служить Вашей светлости и способствовать в меру моих скромных сил Вашему благополучию. Я готов приложить все мои силы и использовать все доступные мне средства, чтобы достойно служить Вашей светлости и в будущем, когда Вы сочтете возможным оказать мне известную поддержку и предоставите право действовать с одобрения Вашей светлости и действовать в качестве доверенного лица. Я решаюсь просить Вас об этом в надежде, что не доставлю Вам чрезмерных хлопот, в то же время это поможет мне развить мое коммерческое начинание в самых разнообразных направлениях. Таким образом, мне удастся проложить свой путь и приумножить свое состояние здесь, во Франкфурте».

И как это ни удивительно, наступил день – это было 21 сентября 1769 года, – когда взорам жителей одного из бедных кварталов Еврейской улицы предстало нечто весьма любопытное. Некий сутулый молодой человек с черной бородой прибывал вывеску на одном из домов Посудной улицы. На вывеске был изображен герб земли Гессен-Ханау, а ниже шел текст следующего содержания: «М.А. Ротшильд, официальный придворный торговый агент Его Высочества принца Уильяма Гессенского».

В то время такое звание было почетным, но не исключительным. Оно только подтверждало публично, что его владелец имел разрешение двора заниматься той или иной деятельностью, и не накладывало никаких обязательств на принца и не давало никаких особенных преимуществ Майеру.

Тем не менее, это событие вызвало определенное волнение среди соседей. Новоиспеченный «лендлорд» с Посудной улицы сделал то, что давно собирался сделать, – он продал свою четверть дома братьям. И если до сих пор отец Гутеле весьма неблагоприятно относился к браку своей дочери с Майером, то теперь он сдался и позволил ей выйти за него замуж. Новый титул также избавлял Майера от некоторых неудобств, от которых обычно страдали евреи. Это

был своего рода пропуск, который позволял относительно свободно передвигаться из одного герцогства в другое.

Теперь, когда Майер шел по Посудной улице, он останавливался на мгновение перед своей вывеской, и по его лицу пробегала загадочная улыбка. Гутеле начала рожать ему детей, и Майер носил своих малышей на улицу, показывал вывеску и объяснял значение каждого слова. Младенцы смотрели на вывеску с чрезвычайной серьезностью. Они, казалось, предчувствовали, как будут развиваться события. Жена занималась стряпней и стиркой.

Братья Майера только скептически посмеивались.

«Его светлость» Майера Ротшильда

Принц, даровавший Майеру нынешние привилегии и сыгравший ключевую роль в судьбе семейства Ротшильд, был человеком незаурядным. Размеры его земель были весьма скромными, но благородство его крови не подвергалось сомнению ни одним европейским монархом. Внук Георга II Английского, кузен Георга III, он был также племянником короля Дании и зятем короля Швеции. Очевидно, его родственники были людьми влиятельными, но что было гораздо важнее для принца Уильяма и что было самым существенным для Майера Ротшильда, так это тот факт, что большинство европейских монархов были должниками скромного владельца земли Гессен. Этот гессенский набоб, чей герб был известен в Германии со Средних веков, стал первым крупным капиталистом королевской крови, причем не менее «крутым», как сказали бы в наши дни, чем его «выдвиженец» Ротшильд. Подобно своему отцу, ландграфу Фредерику из Гессена, мастерски заключал сделки и, несомненно, обладал деловой хваткой. Но сынок «выжимал» из своих капиталов несравненно больше, чем его папочка.

Принц Уильям сдавал свою армию, которую он холил и лелеял, в аренду другим европейским монархам. Он устраивал блестящие парады, придирчиво проверял прически своих солдат и офицеров (они в то время носили парики с косичками), состояние оружия, мундиров и обуви. Каждый мушкет был у него на счету. Принц призывал на службу все новых своих подданных, тщательно обучал и экипировал новобранцев, а затем продавал в Англию, откуда их направляли в колонии для поддержания порядка.

«Миротворческий» бизнес Уильяма приносил ему огромные доходы. Кроме того, каждый раз, когда кто-то из его солдат или офицеров погибал во время службы, он получал дополнительную компенсацию. Количество таких инцидентов росло, и соответственно умножался его наличный капитал. Полученные деньги принц отдавал в рост, и делал это без всякого предубеждения. Его заемщиком мог стать и король, и мелкий капиталист, скажем производитель подсвечников. Короли расплачивались политическими привилегиями. Приток средств от европейских монархов и собственных подданных сделал принца богатейшим человеком в Европе. Его состояние по меркам XVIII века можно сравнить с состоянием семейств Фугер² и Ротшильд.

Помимо страсти к накоплению, принца Уильяма обурежала еще одна страсть – мягко говоря, небезразличное отношение к противоположному полу; женщины отвечали ему взаимностью, а количество внебрачных детей принца даже по тем временам можно считать рекордным. У принца было трое детей от его супруги, принцессы Датской, и еще 23 ребенка на стороне. Принц не оставлял своих отпрысков на произвол судьбы. Все незаконнорожденные дети получали дворянство и титулы, которые их любвеобильный отец покупал у своего августейшего должника, австрийского императора Франца.

Косвенным следствием августейших связей стало сближение принца с Майером Ротшильдом. Наставником восьмерых детей фрау фон Риттер-Линденталь, одной из плодовитых возлюбленных Уильяма, был гувернер Бударус. Его сын Карл добился поста придворного казначея и благодаря своей рачительности и экономности стал правой рукой принца.

Карл Бударус добился повышения доходности одной из молочных ферм принца на 120 талеров, прекратив практику округления цены на продукцию. Это достижение произвело на принца такое впечатление, что он доверил Бударусу, в дополнение к обязанностям казначея, ведение своих личных счетов. Не кто иной, как Бударус, предложил ввести в Хану налог на соль, благодаря чему его светлость также внакладе не остался. Именно Бударус познакомил принца с Майером Амшелем, который часто появлялся в Хану со своими диковинками. Буда-

² Фугеры – семейство крупнейших европейских банкиров, известных еще с XIV века. (Примеч. пер.).

русу понравился и этот еврей, и, особенно, старинные монеты, которые он получал от него в подарок к каждому очередному празднику, а праздников в году тогда было много. Благодаря Бударусу меняльная контора Майера получила от его светлости право на проведение финансовых операций с Лондоном. Ротшильд, наконец, прорвался в сферу государственного банковского бизнеса. Прибыль самого Майера в этом деле была не столь велика, как могло бы показаться.

Принц Уильям отнюдь не был озабочен судьбой еврея Майера. Ему просто нравилось умножать количество векселей, что в конечном итоге вело к демпингу и снижению доходности сделок с обменом валют. Благодаря участию Бударуса этот бизнес еще какое-то время приносил известные дивиденды. Затем, казалось, неиссякаемый поток превратился в скудный ручеек. Произошло событие, в результате которого дистанция, отделявшая бедного маленького Майера от его высочества, превратилась в зияющую бездну.

Отец Уильяма ушел из жизни и оставил сыну огромное состояние, а также роскошный дворец и титул ландграфа Гессен-Касселя. Уильям в сопровождении огромной свиты, в составе которой были его жена, любовница, многочисленные наследники, внебрачные дети, придворные, – все они дружно покинули Ханау и окрестности Франкфурта. И весь этот великолепный придворный коллектив перебрался в грандиозный дворец в Касселе.

В том же достопамятном году Майер и Гутеле упаковали свою нехитрую домашнюю утварь и переехали в новый дом, побольше, на этот раз с крышей зеленого цвета. Это было заурядное унылое новоселье, в котором не было на первый взгляд ничего примечательного для Еврейской улицы и которое не шло ни в какое сравнение с церемониальным переездом принца Уильяма в родовой замок. И тем не менее, новоселье Майера, а не Уильяма оказалось знаковым событием, отозвавшимся в истории, и таковым оно остается и по сей день.

Рождение династии

Много позже, будучи уже в почтенном возрасте, Майер, оглядываясь назад, вспоминал это время как лучшие годы своей жизни. Ему перевалило за сорок, у него был свой дом, не лишенный определенного уюта, он пребывал в приподнятом состоянии духа. С одной стороны, идея превращения семейства Ротшильд в тех Ротшильдов, о которых теперь знает каждый, пребывала пока в зачаточном состоянии. С другой стороны, они уже выбивались из нищеты и запустения, которое было привычным состоянием жителей гетто.

Уроливый грязный двор на Посудной улице остался в прошлом. Дом с зеленой крышей был намного опрятнее прежнего. Окна выходили на улицу, в доме было три этажа, и он, в определенной степени, отражал положение Майера как преуспевающего коммерсанта. На самом деле здесь, как и повсюду в гетто, ощущался дефицит пространства – дом с зеленой крышей, хоть и возвышался над близлежащими домами, выглядел непропорционально узким, а комнатухи были маленькими и темными. Две спальни, в которых располагались родители и постоянно растущая команда наследников Ротшильдов (на свет появились уже двенадцать детей, выжить удалось десяти). Шкафчики с посудой и прочей утварью были втиснуты в проем под старой скрипучей лестницей или были встроены прямо в стену. О тишине приходилось только мечтать. За стенами дома, на Еврейской улице, что-то все время грохотало, вздрагивало, тишина здесь наступала лишь поздним вечером. Лестница и перекрытия постоянно поскрипывали.

Парадная дверь с шумом открывалась и закрывалась, а колокольчик над дверью не всегда оповещал о приходе очередного покупателя, он мог также предупреждать о возможных погромах или появлении полиции. После очередного звонка Майер исчезал из дома, и так происходило по сто раз на дню. Еще никогда он так не был захвачен работой. Чтобы содержать дом и кормить семью, он поставил еще один прилавок. Он торговал монетами, раздавал векселя и продавал ношеную одежду. Ему приходилось работать в одиночку, поскольку его брат Кальман умер в 1783 году, а другой его брат, Моше, ушел из дома. Майер успевал повсюду, пот струился ручьями по его лицу, а сквозь бороду проступала загадочная улыбка. Так или иначе, у него были все основания радоваться тому, как шли его дела.

Магазинчик стал намного просторнее, и покупатели охотнее заходили к нему. Удалось раздобыть новую одежду для старшего Шенкеле, выполнявшего роль кассира. Вскоре Майер избавился от беспорядка, который обычно сопровождал торговлю ношеной одеждой и прочей рухлядью. На его прилавках появился хлопок, затем вино и табак, и рейтинг магазина рос одновременно с появлением благородных ароматов, распространявшихся по всему дому.

На первом этаже была кухня размером четыре на полтора метра, в которой был очаг и невиданная роскошь – насос, подававший воду в дом. Ротшильды входили в число нескольких благословенных семей, которым не надо было носить воду из колодца.

Кухня, разумеется, была вотчиной Гутеле – хозяйки дома. Так же как и неизменно прибранная комнатка на втором этаже (позже ее станут называть зеленой комнатой из-за блеклых тонов обоев и еще потому, что Гутеле отказалась переехать из этой комнаты даже тогда, когда ее сыновья обрели власть, позволявшую им управлять деловой жизнью Европы из своих роскошных дворцов).

Субботними вечерами, после традиционной молитвы в синагоге, Майер приглашал местного раби к себе в дом. Они сидели, склонившись друг к другу, за зеленым столом и до поздней ночи дискутировали о фундаментальных принципах бытия. Даже по будням, завершив свои труды, связанные с монетами, хлопком и векселями, Майер нередко сидел с Талмудом в руках и упоенно декламировал строки мудрейшей из книг, а все его семейство раскрыв рот внимало звучанию древнееврейских стихов.

Но Майер не был «книжным червем». В Гриншилде была терраса, выходящая на задний двор. В те времена во Франкфурте евреям не разрешалось ступать на землю общественных садов и парков, и эта терраса служила «семейной загородной виллой». Здесь Майер играл с детьми, в то время как Гутеле, как и подобает хорошей еврейской жене, тихо сидела в уголке и занималась рукоделием и чинила детскую одежду. На террасе Майер рассказывал дочерям, как ухаживать за цветами и разбираться в растениях, с которыми он был знаком не хуже, чем со старинными монетами. Здесь же семейство отмечало праздник кущей, который следовало проводить на открытом воздухе, в сени деревьев.

У дома была еще одна особенность, благодаря которой он приобретал известную респектабельность. На другой стороне маленького двора располагалась их семейная касса, первый банк Ротшильдов, закуток площадью девять квадратных футов. В нем стоял большой железный сундук с механизмом, устроенным таким образом, что его нельзя было открыть с той стороны, где был висячий замок. Открывалась крышка с задней стороны сундука, прилегавшей к стене. Он исправно служил приманкой и западней. На стенах были развешаны фальшивые полки, за которыми была потайная дверь, которая вела в настоящее хранилище. В доме Майера было два подвала. Один, о котором знали все, был предназначен отчасти для маскировки, там хранились амбарные книги и записи, не представлявшие серьезной ценности. О втором, напротив, не знал никто, кроме хозяина. Там хранились документы и контракты, имеющие отношение к принцу Уильяму.

Невидимые нити протягивались от подземного тайника на заднем дворе дома с зеленой крышей к высоким башням замка принца Уильяма. Лишь единицы знали об этом. И никто не подозревал, что могущественный принц будет превзойден маленьким торговцем из гетто. Или что состояние семьи с Еврейской улицы (еще при жизни его светлости) затмит баснословное богатство принца, слава его древнего рода уйдет в тень, а сам принц окажется всего лишь вехой на пути маленького торговца.

Глава 3 ПЯТЬ КОВРОВ-САМОЛЕТОВ

У мальчиков режутся зубки

Восхождение Ротшильда к мировой славе не сопровождалось громом фанфар, он достиг высшей власти – все свершилось в полной тишине. В конце 1780-х годов Маейр Ротшильд мало что значил для принца Уильяма, обитавшего в своем роскошном замке в Вильгельмшене. Даже во франкфуртском гетто имя Ротшильда было почти неизвестно.

Причиной успеха семьи было то, что вначале ее члены действовали ненавязчиво, но настойчиво и последовательно, не чураясь раболепства, а затем следовал стремительный бросок. Их цель была столь фантастична на фоне их бедственного положения, их изначальные позиции были настолько шаткими, а ресурсы – такими незначительными, что любой более или менее дееспособный конкурент мог с легкостью расправиться с ними.

Маейр Ротшильд располагал тремя надежными точками опоры, с помощью которых его семейству удалось завоевать континент. Уже сейчас, осторожно, но уверенно, он двигался в этом направлении.

Первой опорой для Майера стала его клиентура, которую он отбирал вполне осознанно. Он работал только с самыми знатными семействами Германии, несмотря на то что это приносило относительно небольшие доходы, и никогда не брался вести дела таких же горожан, как он сам.

Второй стала его тактика низкого процента. Ротшильд привлек ландграфа низкими ценами (он использовал такую же политику, как и сам принц Уильям в своих отношениях с венским императорским двором). Это позволило Майеру наладить самое тесное сотрудничество с Бударусом, который, будучи главным финансовым советником принца, мог влиять на движение самых больших денежных потоков в Европе.

Третьей и главной опорой стали сыновья Майера.

Вот он, самый простой и самый действенный способ добиться могущества – вырастить сыновей. По сути, Майер мечтал о создании династии. Все его действия, все связи, которые он завязывал в высшем обществе, все его обаяние и все таланты, все продажи, которые он понемногу осуществлял при княжеских дворах, – все это оказывалось лишь инвестициями в будущую династию. Если бы он не был отцом, все эти действия были бы абсолютно бесполезны. Он остался бы просто наивным мечтателем и умер бы в полной безвестности. Но у него были сыновья, которые взрастили посеянные отцом семена. Они неустанно трудились и передали свое дело дальше, уже следующему поколению Ротшильдов.

Возможно, древние римляне и были наиболее успешно развивавшимся народом из всех известных, возможно, Наполеон и был выдающейся личностью. Возможно также, что люди, обитавшие за оградой Гриншилда (дома с зеленой крышей), представляли собой семейство, которое придаст характерный колорит современной истории. Пока Маейр жил вдвоем со своей женой, он был не более чем одним из многих евреев, или, если хотите, он был подобен Цезарю без полководцев. Вскоре Гутеле подарила ему сыновей, которые и стали его легионерами.

Первым был Амшель, будущий министр финансов Германской конфедерации. Затем шел Соломон, который к концу своей карьеры достиг такого высокого положения в Вене, о котором только мечтал принц Уильям. Натан, следующий по порядку, обрел большую власть, нежели любой другой человек в Англии.

Четвертый сын, Кальман, сумел занять такое же место на Апеннинском полуострове. И наконец, Джекоб, добившийся столь же высокого положения во Франции времен республики и империи.

Вначале пятеро сыновей и пять дочерей Ротшильда ничем не отличались от большинства своих сверстников в гетто, которые с раннего детства становились подмастерьями у своих отцов. Они учились считать на счетах, выполняли мелкие поручения отца и облегчали по мере своих сил бремя его забот.

Но вскоре их характеры сформировались, и тут выяснилось, что интересы сыновей и отца совпадают далеко не во всем. Их лица становились безразличными, а глаза – равнодушными, когда Майер начинал пространно излагать им древнюю историю иудеев (у него теплилась надежда на то, что один из них будет учиться в иешиве) или демонстрировать свою коллекцию монет, зато на рынке или в меняльной конторе они чувствовали себя как рыба в воде. Считать они умели превосходно, а деловой хватки им было не занимать. Все чаще они прибегали домой радостные и возбужденные, с законной добычей – купленным за бесценок отрезом сукна или ношеной одеждой, – которую продавали с потрясающей быстротой и выгодой уже через несколько часов после покупки.

Успех шел за ними по пятам. Энергия бурлила в жилах, и отцу надо было только дать ей выход и направить ее в нужное русло. Уже тогда он ввел строгое правило, ставшее законом и традицией семьи. Таланты у каждого свои – но успех всегда общий. Братья дополняли друг друга, и так из поколения в поколение.

Неукротимая энергия сыновей, распространявшаяся по дому под зеленой крышей, легко могла бы обратить этот дом в руины, если бы не умелое руководство миротворца Майера. В отличие от своих многочисленных братьев он был мягок и обходителен и сохранял хладнокровие в самых трудных ситуациях, и это качество оказывалось едва ли не более полезным, чем его искусство вести переговоры.

Обычно, когда речь идет об успешном развитии семьи, каждое следующее поколение выполняет более тонкую работу и становится более рафинированным, чем предыдущее. У Ротшильдов, напротив, отец старался смягчить грубый и прямолинейный подход своих сыновей к ведению дел.

Первая успешная схема, осуществленная семейством, представляла собой оригинальную и нестандартную процедуру сложения 2 + 2. С одной стороны, Ротшильд закупал в Англии, в Манчестере, текстиль, то есть денежный поток поступал из Германии в Англию. С другой стороны, его светлость принц, прославившийся как искусный торговец солдатами, сам получал из Англии деньги в форме векселей.

Была в этом деле и третья сторона, а также четвертая. Майер Ротшильд отличался многомерным мышлением, умел охватить весь комплекс проблем и объединить их в одном решении. Он быстро понял, что с производителями текстиля можно было бы расплачиваться векселями принца. Тогда скидки по векселям оседали бы в карманах Ротшильдов, при том условии, конечно, что принц предоставит эти скидки Майеру.

С четвертой стороны, Майер подумал, что было бы весьма полезно ему самому, и как можно скорее, предстать пред светлые очи принца в его новом замке, продемонстрировать коллекцию старинных монет и ознакомить его со своими оригинальными идеями. Все это происходило в 1787 году, за два года до Великой французской революции.

И вот Майер упаковал свой чемоданчик со старинными монетами и оправился в замок, а спустя некоторое время принц приобрел изрядное количество нумизматических раритетов по сходной цене. Вместе с монетами принц получил прошение Майера о предоставлении ему разрешения на организацию такого посредничества, Ротшильд при этом подчеркнул свою готовность ограничиться минимальными комиссионными.

Двор не торопился с ответом. Наконец, в 1789 году векселя на сумму 800 фунтов прибыли в меняльную контору Майера. Это была первая сделка, которая оказалась по-настоящему эффективной и выгодной.

Новый источник доходов отнюдь не удовлетворил растущие аппетиты молодого поколения Ротшильдов. Фактически сделка представляла собой простое обналичивание векселей принца и охватывала лишь малую часть объемов его интенсивной коммерческой деятельности. Не совсем ясно, кто занимался ею от имени принца, возможно, это были крупные франкфуртские банкиры брата Бетман, а также Руппель и Харниер. Неизвестно, существовали ли вообще какие-нибудь мелкие посредники между двором и банками.

И вот однажды сыновья Ротшильда появились перед этими известными банкирами в качестве просителей.

– Будьте так милостивы, позвольте нам стать посредниками между вами, достойнейшими господами банкирами, и этим гоем-принцем.

Банкирам этот наивный пыл показался забавным. Конечно, у этих юных выскочек не было ни капли достоинства и принципиальности, но, может быть, в этом проявлялась их сила, которая и могла удовлетворить непомерные аппетиты его светлости. И почтенные франкфуртцы согласились. Юные коммерсанты из гетто получили свои крошечные комиссионные за то, что они согласились быть на побегушках у могущественного Уильяма. И почтенные банкиры не прогадали: Уильяму нравилось проворство его новых посыльных. Казначей принца, Будерус, тайно сотрудничал с меняльной конторой Ротшильдов, которая постепенно превращалась в настоящий, солидный банк. Вскоре Соломон почти ежедневно навещавший замок принца, стал, таким образом, первым Ротшильдом, проникшим в финансовые структуры двора. Амшель, в свою очередь, занимался закладными принца. В то же время Натан, который поначалу не сошелся в ценах с английским торговцем текстилем, оказался в Манчестере. И благодаря этому дешевый текстиль из Манчестера с легкой руки Натана через охваченную революцией Францию попадал прямо на склады Ротшильдов во Франкфурте. Семья сделала свой первый шаг по созданию международной коммерческой сети. Прошло совсем немного времени, и Ротшильды расширили свое влияние во многих сегментах европейского рынка. Молодые Ротшильды стремительно передвигались по дорогам Европы в своих каретах. Их лица были непроницаемы, глаза горели, а в руках они крепко сжимали портфели с бумагами. Пока сыновья Майера договаривались с партнерами и продвигали свои товары, он сам загадочно улыбался, сидя в своем кабинете в Гриншильде.

Вскоре франкфуртская еврейская община с изумлением обнаружила существование такого загадочного явления, как неизвестная ранее состоятельная семья. На протяжении последующих десяти лет налоговые платежи Майера Амшеля оставались на одном и том же уровне и в среднем составляли две тысячи гульденов, а в 1795 году эта цифра удвоилась. Еще через год официальное состояние Ротшильда достигло пятнадцати тысяч гульденов, таким образом он попал в категорию наиболее состоятельных налогоплательщиков гетто.

Эта перемена никак не отразилась на судьбах мира, в отличие от других событий, происходивших в то же время. Французская республика на глазах у изумленного человечества превратилась в наполеоновскую империю. Корсиканская гроза гремела над Европой. А в это время во Франкфурте возникла новая сила. Незримая и неведомая для большинства населения, она преодолевала национальные границы, не производя при этом никакого шума. В обстановке тотальной секретности Майер Ротшильд проводил свою первую операцию со ссудами на территории иностранного государства.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.